

УДК 811.512.31

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-54-61

ИНТЕРЯЗЫК БУРЯТА-ПОЛИЛИНГВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ (БИ-)ПОЛИЛИНГВИЗМА И УЧЕБНОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

© Эржена Нимаева

POLYLINGUAL BURYAT'S INTERLANGUAGE: THE CORRELATION BETWEEN (BI-)POLYLINGUIISM AND EDUCATIONAL MULTILINGUALISM

Erzhena Nimaeva

The article considers interlanguage as a cognitive object of scientific research using the example of a polylingual Buryat, representing the younger generation and studying foreign languages as special subjects. The function peculiarity of the interlanguage as the subject under consideration is that the Buryat language, being native by birth, however, has the lowest degree of functional activity compared to Russian and the studied foreign languages. The purpose of the article is to theoretically substantiate the inclusion of the so-called “artificially studied foreign languages” in the structure of interlanguage as a significant component of polylingualism within the framework of cognitive competition. The author comes to the following conclusions: 1) as one of the factors of the subject's (bi-)polylingualism, one should consider the level of language proficiency that allows for successful communication, which is possible without achieving absolutely free or perfect proficiency; 2) since the subject uses their languages unevenly (in general, and during the day in particular), the aim of our research is to study the cognitive reasons for the imbalance of their functioning both in the natural environment and in the educational environment; 3) the interlanguage of a polylingual Buryat, who speaks his native (functionally second) Buryat, Russian (functionally first) and foreign languages, represents a cognitive space of relationships between these languages, constructed by the principle of competition; 4) in cognitive competition, the code of the Buryat language is inferior in the volume of functions performed and therefore is in the reversible stage of the subject's (bi-)polylingualism. The results of the study may be of interest to researchers of (bi-)polylingualism in psycholinguistic and sociolinguistic aspects.

Keywords: bilingualism, polylingualism, educational multilingualism, interlanguage, functional code activity, Buryat language

Статья посвящена рассмотрению интерязыка как когнитивного объекта научного исследования на примере бурята-полилингва, представляющего молодое поколение и изучающего иностранные языки в качестве специальных предметов. Особенность функционирования интерязыка бурята-полилингва состоит в том, что бурятский язык, являясь родным по рождению, обладает наименьшей степенью функциональной активности по сравнению с русским и изучаемыми иностранными языками. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании включения в структуру интерязыка так называемые «искусственно изучаемые иностранные языки» как значимую в рамках когнитивного соперничества составляющую полилингвизма. Автор приходит к следующим выводам: 1) в качестве одного из факторов (би-)полилингвальности субъекта следует рассматривать такой уровень владения языками, который позволяет успешно осуществлять коммуникацию, что возможно не только при абсолютно свободном или совершенном владении; 2) поскольку языки используются (би)полилингвом неравномерно (в целом и в течение дня, в частности), постольку предметом исследования становятся когнитивные причины степени их функциональной активности не только в естественной среде, но и в учебной; 3) интерязык бурята-полилингва, владеющего родным бурятским (функционально вторым), русским (функционально первым) и иностранными языками, представляет собой когнитивное пространство взаимоотношений между данными языками, конструируемых принципом состязательности; 4) в когнитивном соперничестве код бурятского языка уступает в объеме выполняемых функций и потому находится в реверсивной стадии (би-)полилингвизма субъекта. Результаты исследования могут быть интересны исследователям (би-)полилингвизма в психолингвистическом и социолингвистическом аспектах.

Ключевые слова: билингвизм, полилингвизм, учебный мультилингвизм, интерязык, функциональная активность кода, бурятский язык

Для цитирования: Нимаева Э. Интерязык бурята-полилингва: соотношение понятий (би-)полилингвизма и учебного мультилингвизма // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 54–61. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-54-61

На современном этапе развития лингвистики остается актуальной проблема определения понятий билингвизма и полилингвизма, а также того, кого следует считать билингом или полилингом. Одни исследователи в этом вопросе видят в качестве ключевого критерия владение языками на одинаково высоком уровне, другие – достаточный уровень владения языком для общения, при этом предполагается свободное владение родным языком. Однако на сегодняшний день свободное владение родным языком характерно не для всех этнических групп России. Проблема сохранения и / ревитализации языков представляется актуальной также для республики Бурятия: бурятский язык обладает статусом витальности «ограниченный сельский (rural restricted)», так как процесс его передачи между поколениями происходит преимущественно в селах Республики Бурятия и Забайкальского края, с точки зрения функциональности язык остается ограниченным при развитой языковой инфраструктуре [1, с. 31]. Использование бурятского языка ограничивается преимущественно семейно-бытовой сферой [2, с. 304].

В рамках данной статьи при рассмотрении особенностей функционирования интерязыка бурята-полилингва предпримем попытку ответить на следующие вопросы: 1) Какова взаимосвязь понятий (би-)полилингвизма и учебного мультилингвизма? 2) Каковы основные принципы функционирования кодов интерязыка бурята-полилингва, изучающего иностранные языки?

Би- и полилингвизм представляются сложными социолингвистическими явлениями, ведь каждый (би-)полилингв обладает разными значениями обуславливающих его факторов [3, с. 1]. В лингвистике термины «билингвизм» и «двухязычие» рассматриваются как синонимичные [4, с. 13]. В зарубежной и отечественной лингвистике при определении (би-)полилингвальности субъекта наблюдается неоднозначность взглядов относительно правомерности учета использования иностранных языков в учебной ситуации, а также варьирование степени владения языком от почти совершенного до минимального знания второго языка. На наш взгляд, данное в Словаре социолингвистических терминов определение термина «билингв» является наиболее полным, так как оно охватывает разные факторы формирования и проявления билингвизма как социо-

лингвистического явления: 1) владение билингом «первым языком» (родной язык), усвоенным им в детстве, в семье (как правило, его этнический язык) и «вторым языком», выученным позже (реже – одновременно); 2) наибольшая частотность различий уровней языковой и коммуникативной компетенций (более низкая коммуникативная компетенция в области второго языка); 3) признание «функционально первым» языком билинга язык (родной или второй), используемый им с наибольшей интенсивностью; 4) функционально активными языками билинга в разных сферах коммуникации могут быть различные языки; 5) зависимость выбора языка общения у билинга в большинстве случаев определяется коммуникативной сферой и ситуацией общения; 6) использование термина возможно в качестве родового понятия для обозначения индивида, владеющего одним и более языками [5, с. 30–31]. В лингвистике термины «полилингвизм», «многоязычие» и «мультилингвизм» часто используются как синонимичные для обозначения использования говорящим нескольких языков в соответствии с конкретными коммуникативными задачами на определенной территории (прежде всего государства) [6, с. 313–314]. А. В. Хэкетт-Джонс разграничивает термины «полилингвизм», «плюрилингвизм» (функционирование явления в процессе изучения нескольких иностранных языков вне естественной среды их распространения) и «мультилингвизм» (функционирование явления в мультилингвальном социуме) следующим образом: латинская приставка *плюри-* указывает на многообразие форм; латинская приставка *мульти-* – на многочисленность описываемых явлений; греческая приставка *поли-* объединяет оба значения [7, с. 105].

В приведенных определениях отмечается возможность использования языка в различных сферах и ситуациях общения, то есть в том числе и в учебной сфере. Хотя учебная сфера в целом представляет собой искусственную ситуацию использования языка, однако и в процессе обучения говорящие порождают естественную речь, выполняя коммуникативные задачи, связанные с запросом информации, высказыванием собственного мнения, рассказом о себе и т. д. Рассмотренные определения понятий *би-* и *полилингвизма* подтверждают правомерность учета

при определении (би-)полилингвальности субъекта учебного мультилингвизма, то есть использование иностранного языка в учебной сфере.

Обратимся к вопросу об уровне владения языками (би-)полилингвом. Вслед за А. Г. Шириним мы считаем достаточно уязвимыми трактовки билингвизма как одинаково свободное владение двумя языками в силу редкости данного явления, а также часто его ограниченности определенными аспектами [8, с. 64]. На наш взгляд, свободное владение каким-либо языком обуславливается преимущественно наибольшей длительностью его ежедневного использования. Вследствие иммиграции иностранный язык может стать языком свободного владения, а общение на родном языке из-за достаточно длительного отсутствия практики его использования может стать довольно затруднительным. Например, в подобной ситуации оказываются главные герои автобиографических романов Катерины Поладян (Katerina Poladjian) «In einer Nacht, woanders» и Ойгена Руге (Eugen Ruge) «In Zeiten des abnehmenden Lichts». Авторы данных произведений эмигрировали из СССР в ГДР в детстве, большую часть жизни они говорят на немецком языке, что также оказало влияние на процесс их этнокультурной самоидентификации. В одном из интервью для СМИ К. Поладян описывает свою этнокультурную идентичность следующим образом: «Между тем могу сказать, что часть моей души русская. Мой родной язык русский, хотя я и говорю с ошибками» [9]. Подобным образом о своей идентичности размышляет О. Руге в данном им интервью для Гёте-Института в России: «Я смотрю на Россию из довольно специфической перспективы. Моя мама – русская, часть моей идентичности – русская... Мой русский не безупречен, но я сохранил свой детский словарный запас» [10]. Представленные примеры билингвов подтверждают значимость таких параметров, как длительность, интенсивность и сферы использования или функциональной активности языка и их учет при определении би-полилингвальности субъекта, что обнаруживает в рассматриваемом вопросе необходимость обращения к когнитивной лингвистике.

Владение двумя и более языками предполагает их когнитивную взаимосвязь, обозначаемую термином «интерязык», который впервые был использован Л. Селингером в 1969 г. [11, с. 52]. Феномен интерязыка рассматривается в трудах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н. Н. Рогозная, В. А. Виноградов, А. А. Залевская, П. П. Дашинимаева, L. Selinker, S. P. Corder, W. Nemser, Ch. Adjemian, E. E. Tarone, G. Kasper и др. [Там же, с. 52–58]. Несомненно, су-

ординативный билингвизм, по сравнению с редко встречающимся координативным, является наиболее распространенным. По мнению Н. Н. Рогозной, в процессе формирования интерязыка несовершенного билингва, происходящем на основе лингвистической системы родного языка, интегрируются элементы лингвистической системы неродного языка; также обращается внимание на то, что интерязык способен избавляться от интерферентных явлений, функционировать без изменений, а невостребованность может способствовать его отмиранию [Там же, с. 60, 61, 67].

В данной работе интерязык рассматривается нами как когнитивное пространство взаимоотношений между всеми языками (би-)полилингва, что соответствует концепции П. П. Дашинимаевой [12, с. 261–262]. При рассмотрении феномена интерязыка нельзя не упомянуть явление интерференции, хотя когнитивная лингвистика, в том числе психолингвистика, описывая процесс речепорождения и -восприятия субъектом, не выделяет вмешательство одного из языков как автономное явление. На наш взгляд, степень негативного влияния родного или функционально первого языка на функционально второй, проявляющееся в виде нарушений его норм, возможно снизить или устранить посредством повышения функциональной активности Я2 как на уровне восприятия, так и на уровне порождения речи. Данное когнитивное условие позволяет говорить об устранении интерференции как негативного влияния одного языка на другой и перемещении фокуса исследовательского внимания на совершенствование умений изучаемого иностранного языка или родного, но нуждающегося в ревитализации.

На наш взгляд, рассмотрение когнитивных факторов функционирования би-, поликода относительно отдельно взятого Номо Локуэнс позволяет выделить следующие характеристики его интерязыка: 1) обусловленность многочисленными факторами (возраст овладения языками, одновременное / последовательное овладение языками, активность языка и т. д.); 2) динамичность; 3) соперничество кодов как главный принцип функционирования; 4) интерференция более активного кода (чаще всего родного языка) относительно менее активного.

В представленной статье рассматривается интерязык бурята-полилингва, владеющего родным бурятским, русским и иностранными языками. Факторы русско-бурятского билингвизма, по мнению П. П. Дашинимаевой, можно разделить на две группы: 1) внешние – использование русского языка во всех социальных сферах ре-

гиона и владение бурятами русским языком на хорошем уровне; 2) внутренние – составляющие когнитивной структуры головного мозга, способствующие порождению речи [13, с. 93]. Мы солидарны с мнением Н. В. Лосевой и Е. Б. Александровской о связи мультилингвизма с использованием языков не только в естественной мультиязычной среде, но и в процессе одновременного / неодновременного изучения языков [14, с. 20]. На наш взгляд, баланс / дисбаланс объемов функциональной активности соперничающих кодов интерязыка бурята-полилингва, несомненно, обуславливается временем активного использования языка, восприятия и порождения речи на нем. К примеру, если обычный человек с подросткового до пожилого возраста в среднем бодрствует шестнадцать часов в сутки (около восьми часов проводится во сне), то бурят-полилингв использует русский язык на протяжении практически всего дня, значительную часть которого использует иностранные языки в процессе обучения, а бурятский язык, если использует, то наименьшее количество времени в семейно-бытовой сфере. Такое усредненное представление использования языков бурят-полилингвом иллюстрирует риск перехода владения бурятским языком на уровень, соответствующий реверсивной стадии билингвизма.

Процессы освоения Я2 в культуре непосредственным образом и достижения максимального уровня беглости и аутентичности для не-носителя характеризуются пятью поэтапными «потерями» (по Pavlenko 1998): «теряются» лингвистическая идентичность (1), концептуальные ориентиры (2), референция и соответствующие связи между означающим и означаемым (3), внутренняя речь (4), первый язык (5) [13, с. 95–96]. Стадия потери лингвистической идентичности, по мнению П. П. Дашинимаевой, может быть выявлена в «узуально-ненормативной речи билингвов», а потеря референции и соответствующей связи между означающим и означаемым – в случае прекращения функционирования грамматического «оплота» вслед за критическим ослаблением активации лексических единиц [Там же]. На наш взгляд, в ситуации абсолютно ненормативного формально-грамматического развертывания высказывания возможно предполагать построение его по принципу линейной грамматики, представляющей собой, по мнению Р. Джекендоффа и Э. Виттенберга (R. Jackendoff, E. Wittenberg), форму языка без синтаксиса и морфологии, структурирующегося при помощи прямого коррелирования семантики и фонологии [15, с. 219]. В рамках концепции П. П. Дашинимаевой, языковую ситуацию республики Буря-

тия, характеризующуюся двукодовым дискурсом бурят-билингвов, можно рассматривать как проявления четвертой, последующей за субординативным, координативным и смешанным типами билингвизма, реверсивной стадии билингвизма, которая характеризуется функционированием механизма в обратном направлении или представляет собой регрессивные последствия третьей стадии [13, с. 94–95]. В лингвистике под термином «регрессивный билингвизм» понимается стадия двуязычия, на которой начинается процесс потери одного из языков, а также вид социального двуязычия, характеризующийся доминированием одного из языков [16, с. 43–44]. Большое количество пассивных билингвов (говорящих со значительными затруднениями или не говорящих, но понимающих речь) обосновывается наличием психологического барьера, состоящем в нежелании билингва демонстрировать неаутентичное звучание в плане прагматики, структуры, просодики и фонологии и наличием убеждения в социальной непрестижности языка [17, с. 207–208].

В свете вышесказанного мы предполагаем, что код наиболее функционально активного языка, то есть доминирующий в когнитивном соперничестве кодов в интерязыке, должен отражаться в высокой степени нормативности вербальной речи. Рассмотрим данное предположение на примере проведенного нами анализа нормативности предикативного синтаксиса устных спонтанных дискурсов, в которых бурят-полилингв отвечает на следующие вопросы-стимулы на бурятском, русском и английском языках: 1) «Та хайшан гээд зунай амаралтаяа үнгэргөөбта, хөөрэжэ үгыт даа (Расскажите, как вы провели ваши летние каникулы); 2) «Поделитесь каким-нибудь приятным воспоминанием из детства»; 3) «Why did you decide to learn foreign languages?» (Почему вы решили изучать иностранные языки?). Возраст испытуемого – 22 года, уровень владения бурятским и русским языками – «свободный», английским – «средний» (по оценке самого испытуемого, по данным анкетирования). Результаты анализа устных спонтанных дискурсов испытуемого представлены в таблице 1. Нами приняты следующие условные обозначения: S – подлежащее; V – предикат-сказуемое; S(0) – отсутствие подлежащего (преимущественно в безличных предложениях). Х – гезитации; СИП – самоисправления и повторения; ПК – переключение кода. Транскрибирование дискурсов было выполнено с опорой на систему дискурсивной транскрипции А. А. Кибрика и В. И. Подлесской.

Дискурс на бурятском языке

1. Ммм Зунай амаралта (Ммм Летние каникулы).

2. Зунай амаралтада би өөрынгөө нютагта ошооб (ПГС, S V) (На летние каникулы я на свою родину ездил).

3. Захааминда Захааминда төөбии || төөбида ааа ажалдань ажалдань туһалжа (ПГС, S(0) VVVVVVVVVV), ээ хаана үбһэндэ үбһэндэ ябажа (ПГС) ... нэгэ хара соо нэгэ хара соо үбһэндэ ябаад (ПГС), хүнтэй аа .. хү= || хүнтэй ой руу ой руу ябаад (ПГС), аа ой соо ой соо агнаа (ПГС) || .. нэгэ хэды агнаад (ПГС), .. ээ тиигээд, тэндэ өөрынгөө юугээ .. тэндэ время үнгэргөөд (СИС) .. ээ ... время ээ үнгэргөөд (СИС), тиигээд каникулаа || .. өөрынгөө нютагта .. ааа ябааб (ПГС), ... өөрынгөө нютагта байгаа (ПГС) – В Закаменске в Закаменске бабушка своей бабушке ааа в работе в работе помогая, ээ где на сенокос на сенокос отправляясь... один месяц один месяц на сенокос отправляясь, с человеком аа .. с че=|| человеком в лес в лес отправляясь, аа в лесу в лесу охотился || .. немного охотясь, .. ээ потом, там свое это .. там время проводя .. ээ время ээ проводя, потом каникулы || .. на свою родину .. ааа уехал, ... был на своей родине (здесь и далее разрядка наша – Э. Н.).

Дискурс на русском языке

1. Так, воспоминание из детства.

2. Мм Это было это было (ПГС, SV) в деревне, когда я гостил (ПГС, SV) у бабушки, и-и я приехал (ПГС, SV) на каникулы на недели две.

3. Аа <бы> Помню (ПГС, S(0)V), как утром аа я про= || проснулся (ПГС, SVI) и и-и ээ подошел и подошел к столу кк завтраку, и бабушка вытащила (ПГС, SV) мантый пирог, и-и мм .. я мм .. позавтракал (ПГС, SVI) и потом пошел на улицу.

4. Ээ На улице на улице я встретил (ПГС, SV) своего друга, с которым не виделся пару лет.

5. Вот, мы хорошо провели время (ПГС, SV).

6. Мы гуляли (ПГС, SV) по дворам, мы собирали (ПГС, SVIII) людей, собира-

лись (ПГС) и играли (ПГС) в футбол, ээ играли (ПГС) в лапту.

7. И далее аа далее я *подходил* (ПГС, SV) к обеду, и ээ бабушка *бабушка испекла* (ПГС, SV) куличи.

8. Мне очень нравилось есть (СГС, S(0)V) куличи.

9. Это было одним из самых моих любимых блюд (СИС, SV) детства.

10. И-и далее я, далее я шел (ПГС, SV) кормить ээ лошадей.

11. Было (ПГС, VS) несколько лошадей у нас.

12. И был (ПГС, VS) водопой, и-и я я отправлялся || отправлял (ПГС, SV) лошадей на водопой.

13. И-и вечером я ... и вечером я ходил (ПГС, SV) в спортзал, и там были (ПГС, VS) тренировки.

14. И-и и-и на тренировках я-я разминался (ПГС, SV), как на физкультуре, и потом начиналась (ПГС, VS) секция по борьбе.

15. И далее я приходил (ПГС, SVIII) домой, и-и и-и после ээ ... смотрел (ПГС) телевизор, и после этого шел (ПГС) ложиться спать.

16. Все.

Дискурс на английском языке

1. I decided to learn (СГС, S V) foreign languages because I like (ПГС, S V) a foreign || aah foreign films, foreign aah foreign cultures.

2. And I like (ПГС, S V) Chinese culture,

3. I'm interested (СИС, S V) in aah Chinese cities, Chinese people.

4. And I <...> also like (ПГС, S V) *English* cul= || *culture such as America, England*.

5. So, I I learn (ПГС, S V) || aah I study (ПГС, S V) as an inter= || interpreter.

6. So, I decided to aah to work (СИС, S V) || aah to work as translator eeh ..

7. And I'm going to improve (СГС, S VVV) my skills, to find (СГС) work .. in general .. and to move (СГС) to another || *some another* country, *Chinese* or *England*.

8. So, that's all (СИС, S V).

Таблица 1

Количество предложений	Количество нормативных позиций предикатов-сказуемых	Количество ненормативных позиций предикатов-сказуемых	Количество случаев ненормативного формально-грамматического развертывания единиц предикативной группы	Количество Хезитаций (Х), самоисправлений и повторения (СИП), переключений кода (ПК)
Бурятский язык				
3 (60)	S V – 1 S(0) V – 10	0	2 – нарушение видо-временной соотнесенности глагольных форм однородных сказуемых	Х – 19 СИП – 11 ПК – 3
Русский язык				
16 (183)	S V – 20 S(0) V – 2 V S – 2	0	1 – нарушение видо-временной соотнесенности глагольных форм	Х – 22 СИП – 10 ПК – 0
Английский язык				
8 (87)	S V – 10 S(0) V – 0 V S – 0	0	1 – нарушение связи между обобщающим словом и однородными членами предложения; 1 – плеоназм; 1 – “Chinese” вместо “China”.	Х – 10 СИП – 9 ПК – 0

Данные анализа устных спонтанных дискурсов демонстрируют нормативность предикативного синтаксиса во всех трех дискурсах. Однако мы видим значительную разницу в их объемах: дискурс на русском языке обладает наибольшим объемом, на бурятском – наименьшим. В устном спонтанном дискурсе на русском языке испытуемый допустил наименьшее количество случаев ненормативного формально-грамматического развертывания единиц предикативной группы, на бурятском и английском языках таких случаев незначительно больше. Хезитации, самоисправления, повторения и переключения кода увеличиваются с точки зрения количества от дискурса на русском языке до дискурса на бурятском языке, при этом случаи переключения кода наблюдаются только в дискурсе на бурятском языке. Учитывая наименьший объем дискурса на бурятском языке, приходим к выводу о том, что, хотя испытуемый оценивает свой уровень владения бурятским языком как «свободный», порождение устной спонтанной речи на родном языке вызывает у субъекта наиболее сильные затруднения когнитивного характера, что обусловливается очень слабой позицией бурятского языка в когнитивном соперничестве кодов в его интерязыке вследствие наименьшей степени функциональной активности.

Таким образом, проведенный нами анализ предикативного синтаксиса устных спонтанных дискурсов бурята-полилингва позволил ответить на поставленные нами вопросы. В рамках когнитивного соперничества кодов интерязыка изучаемые иностранные языки представляются не-

отъемлемой составляющей полилингвизма субъекта. Уровень владения языками (би-)полилингвом должен позволять ему успешно осуществлять коммуникацию на языках, то есть данный критерий не сводится исключительно к свободному / совершенному уровню. Неравномерность использования языков (би-)полилингвом (в целом и в течение дня, в частности) обуславливает исследование когнитивных причин неравноправности их функционирования в естественной и учебной средах. Интерязык бурята-полилингва, являющегося представителем молодого поколения и изучающего иностранные языки в качестве специальных предметов, представляет собой когнитивное пространство взаимоотношений между родным и функционально вторым бурятским, функционально первым русским и иностранными языками, основной принцип функционирования которого состоит в когнитивном соперничестве кодов. В процессе функционирования интерязыка рассматриваемого субъекта код бурятского языка уступает в объеме выполняемых функций и потому находится в реверсивной стадии (би-) полилингвизма.

Список источников

1. Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН, 2022. 80 с.
2. Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (2). С. 302–320.

3. *Gottardo A., Grant A.* Defining biliguism // Canadian Language and Literacy Research Network. URL: https://www.researchgate.net/publication/267152186_Defining_Bilingualism (дата обращения: 01.11.2022).
4. *Хашимов Р. И.* Двужычие и интерференция: Сущность, типология и функционирование. М.: Флинта, 2019. 320 с.
5. *Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б.* [и др.]. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
6. *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 811 с.
7. *Хэкетт-Джонс А. В.* От билингвизма к полилингвизму: концепции многоязычия в условиях новой образовательной реальности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3(45). ч. 4. С. 104–106.
8. *Шурин А. Г.* Билингвизм: поиск подходов к исследованию в отечественной и зарубежной науке // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 36. С. 63–67.
9. «Русская в Германии, в России – немка...» URL: <https://zabrab75.ru/articles/politika/russkaya-v-germanii-v-rossii-nemka/> (дата обращения: 04.11.2025).
10. *Вачедин Д.* России не нужно прошлое. Она устремлена в свое странное будущее. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/mag/20964816.html> (дата обращения: 20.05.2025).
11. *Рогозная Н. Н.* Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. 172 с.
12. *Дашинимаева П. П.* Интерязык, эволюция языка и новые методологические ориентиры // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: сборник трудов Международной научной конференции, 9-13 сентября 2009 г. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 257–270.
13. *Дашинимаева П. П.* Бурятский язык: реверсивная стадия билингвизма и методология вопроса в когнитивном аспекте // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 92–97.
14. *Лосева Н. В., Александровская Е. Б.* Мультилингвизм и интерязык в зеркале интроспекции // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 13–21.
15. *Jackendoff R.* Linear grammar as a possible stepping-stone in the evolution of language // Psychon. Bull. Rev. 2017. V. 24, No 1. Pp. 219–224.
16. *Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / Под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.
17. *Дашинимаева П. П., Дырхеева Г. А., Жалсанова Ж. Б., Хилханова Э. В.* Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Библиографический список

1. Рассказы о сновидениях: корпус. исслед. устн. рус. дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М. : Языки славян. культур, 2009. 736 с.

2. *Pavlenko A.* Second language learning by adults: Testimonies of bilingual writers // Issues in Applied Linguistics. 1998. Vol. 9. Pp. 3–19.
3. *Poladjan K.* In einer Nacht, woanders. Roman / K. Poladjan – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2013. 173 p.
4. *Ruge E.* In Zeiten des abnehmenden Lichts. Roman / E. Ruge – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. 426 p.

References

1. Koryakov, Yu. B., Davidyuk, T. I., Kharitonov, V. S., Evstigneeva, A. P., Siuriun, A. A. (2022). *Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti. Monografiya-preprint* [List of Languages of Russia and Their Vitality Statuses. A Monograph-preprint]. 80 p. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. (In Russian)
2. Dyrkheeva, G. A. (2018). *Yazykovaya situatsiya v Respublike Buryatiya* [The Language Situation in the Buryat Republic]. Mir Bol'shogo Altaya, No. 4 (2), pp. 302–320. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320. (In Russian)
3. Gottardo, A., Grant, A. *Defining Biliguism*. Canadian Language and Literacy Research Network. URL: https://www.researchgate.net/publication/267152186_Defining_Bilingualism (accessed: 01.11.2022). (In English)
4. Khashimov, R. I. (2019). *Dvuyazychie i interferentsiya: Sushchnost', tipologiya i funktsionirovanie* [Bilingualism and Interference: Essence, Typology and Functioning]. 320 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
5. Kozhemiakina, V. A., Kolesnik, N. G., Kriuchkova, T. B. [i dr.] (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Glossary of Sociolinguistic Terms]. 312 p. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. (In Russian)
6. Starichenok, V. D. (2008). *Bol'shoi lingvisticheskii slovar'* [Large Linguistic Dictionary]. 811 p. Rostov-na-Donu, Feniks. (In Russian)
7. Khekett-Dzhons, A. V. (2016). *Ot bilingvizma k polilingvizmu: kontseptsii mnogoyazychiia v usloviyakh novoi obrazovatel'noi real'nosti* [From Bilingualism to Polylingualism: Concepts of Multiple Language Competences in the Modern Educational Paradigm]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, No. 3(45). Ch. 4, pp. 104–106. (In Russian)
8. Shirin, A. G. (2006). *Bilingvizm: poisk podkhodov k issledovaniyu v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke* [Bilingualism: Search for Approaches to Research in Domestic and Foreign Science]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 36, pp. 63–67. (In Russian)
9. “*Russkaya v Germanii, v Rossii – nemka...*” [“A Russian in Germany is a German in Russia...”]. URL: <https://zabrab75.ru/articles/politika/russkaya-v-germanii-v-rossii-nemka/> (accessed: 04.11.2025). (In Russian)
10. Vachedin, D. *Rossii ne nuzhno proshloe. Ona ustremlena v svoe strannoe budushchee* [Russia Does Not Need the Past. It Is Directed towards Its Strange Future]. URL:

<https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/mag/20964816.html> (accessed: 20.05.2025). (In Russian)

11. Rogoznaya, N. N. (2012). *Bilingvizm. Interyazyk. Interferentsiya* [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. 172 p. Irkutsk, izd-vo IrGTU. (In Russian)

12. Dashinimaeva, P. P. (2009). *Interyazyk, evoliutsiya yazyka i novye metodologicheskie orientiry* [Interlanguage, Language Evolution and New Methodological Guidelines]. *Yazyk kak natsional'noe dostoianie: problemy sokhraneniya lingvisticheskogo raznoobraziya: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 9–13 sentyabrya 2009 g. pp. 257–270. Ulan-Ude, izd-vo BNTs SO RAN. (In Russian)

13. Dashinimaeva, P. P. (2008). *Buryatskii yazyk: reversivnaya stadiya bilingvizma i metodologiya voprosa v kognitivnom aspekte* [The Buryat Language: Reversed Type of Bilingualism and Methodology of Question in Cognitive Aspect]. *Vestnik ChitGU*, No. 5 (50), pp. 92–97. (In Russian)

14. Loseva, N. V., Aleksandrovskaya E. B. (2022). *Mul'tilingvizm i interyazyk v zerkale introspektzii* [Multilingualism and Interlanguage in the Mirror of Introspection]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, No. 2, pp. 13–21. (In Russian)

15. Jackendoff, R. (2017). *Linear Grammar as a Possible Stepping-Stone in the Evolution of Language*. *Psychon. Bull. Rev.* V. 24, No. 1, pp. 219–224. (In English)

16. Zhukova, I. N., Lebed'ko, M. G., Proshina, Z. G., Yuzefovich, N. G. (2013). *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Dictionary of Intercultural Communication Terms]. Pod red. M. G. Lebed'ko i Z. G. Proshinoi. 632 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)

17. Dashinimaeva, P. P., Dyrkheeva, G. A., Zhalsanova, Zh. B., Khilkhanova, E. V. (2010). *Buriatsko-russkii bilingvizm: psikholingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian Bilingualism: A Psycholinguistic Aspect]. 166 p. Ulan-Ude, izd-vo BNTs SO RAN. (In Russian)

Bibliography

1. *Rasskazy o snovideniyakh: korpus. issled. ustn. rus. diskursa* (2009) [Dream Stories: A Corpus of Research on Oral Russian Discourse]. Pod red. A. A. Kibrika, V. I. Podlesskoi. 736 p. Moscow, Yazyki slavyan. kul'tur. (In Russian)

2. Pavlenko, A. (1998). *Second Language Learning by Adults: Testimonies of Bilingual Writers*. *Issues in Applied Linguistics*. Vol. 9, pp. 3–19. (In English)

3. Poladjan, K. (2013). *In einer Nacht, woanders. Roman* [One Night, Somewhere Else. A Novel]. 173 p. K. Poladjan – Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag. (In German)

4. Ruge, E. (2012). *In Zeiten des abnehmenden Lichts. Roman* [In Times of Fading Light. A Novel]. 426 p. E. Ruge – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag. (In German)

The article was submitted on 26.10.2025
Поступила в редакцию 26.10.2025

Нимаева Эржена Зориктоевна,
преподаватель,
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова,
670000, Россия, Улан-Удэ,
Смолина, 24 «а».
nimaeva.erzhena@mail.ru

Nimaeva Erzhen Zoriktoevna,
Assistant Professor,
Dorji Banzarov Buryat State University,
24a Smolin Str.,
Ulan-Ude, 670000, Russian Federation.
nimaeva.erzhena@mail.ru